

Фашистское и националистическое движение в среде русской эмиграции в Маньчжурии в 1930—1940-е гг.

Евгений Андреевич Рубанов,

аспирант кафедры всеобщей истории Школы гуманитарных наук ДВФУ, Владивосток.

E-mail: ruevan@yandex.ru

В настоящее время в ряде европейских стран и России быстро набирают популярность в обществе крайне правые и националистические партии и движения — в связи с ростом нелегальной миграции, кризисом политики мультикультурализма и попытками пересмотреть роль фашизма и итогов Второй мировой войны. В данной статье рассматриваются политические альтернативы советскому марксизму в эмигрантской среде русской диаспоры в Маньчжурии в период японской оккупации. В статье анализируется история формирования русского фашистского движения в 1930—1940 гг. и других праворадикальных течений. Также в публикации освещается взаимодействие русских националистических и фашистских организаций с Бюро российской эмиграции, администрацией Маньчжоу-го и командованием Квантунской армии.

Ключевые слова: белая эмиграция, русский фашизм, Русский Фашистский Союз, БРЭМ (Бюро Российской эмиграции в Маньчжурии), Маньчжурия, Квантунская армия.

Fascist and nationalist movement among the Russian emigration in Manchuria in 1930—1940s.

Eugene Rubanov, graduate student, Department of General History, School of Humanities, FEFU, Vladivostok.

Currently, in a number of European countries and Russia extreme right-wing and nationalist parties and movements are quickly gaining social popularity. This happens because of the growth of illegal migration, crisis of multiculturalism and attempts to redefine the role of fascism and the results of the World War II. This article discusses the political alternatives to Soviet Marxism in emigre circles of the Russian diaspora in Manchuria during the Japanese occupation. The article examines the history of formation of Russian fascist movement in 1930—1940s and other right-wing movements. The publication also highlights the interaction of Russian nationalist and fascist organizations with the Bureau of the Russian emigration, administration of Manchukuo and the command staff of the Kwantung Army.

Keywords: White Emigration, Russian fascism, Russian Fascist Union, BREM (Bureau of the Russian emigration in Manchuria), Manchuria, the Kwantung Army.

Социальный взрыв 1917 г. в России положил начало Гражданской войне и вооружённой интервенции великих держав и заставил огромное число людей покинуть родину. Сотни тысяч эмигрантов были участниками Белого движения и непримиримыми противниками советской власти. В период между двумя мировыми войнами сформировалось два основных центра русской эмиграции — в странах Европы и в Северном Китае. Главная особенность последнего заключалась в том, что к началу 1917 г. в Маньчжурии, куда позже устремились остатки белогвардейских войск, уже находилось свыше 200 тысяч российских подданных [5, с. 94]. Последние проживали главным образом в полосе отчуждения КВЖД, начиная с 1896—1897 гг., когда началось строительство магистрали. Другой особенностью дальневосточного центра русской эмиграции стало наличие там множества влиятельных организаций, политических клубов и движений ультранационалистического, монархического и фашистского толка. В отличие от Европы, где наряду с монархическими, реакционными движениями существовали влиятельные либеральные и социалистические партии, клубы, имевшие печатные органы и агитпроп, в Маньчжурии доминировали именно правые партии. Связано это было с тем, что основную массу политэмигрантов составляли бывшие офицеры из армии А.В. Колчака и казаки атамана Г.В. Семёнова. Специфика региона состояла ещё и в том, что в Китае и в японских владениях в соседней Корее и Южной Маньчжурии все левые партии, революционные и национально-освободительные движения подвергались гонениям со стороны местных властей. В сложившихся условиях к началу 30-х гг. в русской диаспоре в Маньчжурии выкристаллизовались влиятельные праворадикальные партии.

Ещё в начале 1921 г. в Мукдене при посредничестве японского консула велись переговоры между атаманом Г.М. Семёновым и маньчжурским диктатором Чжан Цзолином о создании Лиги по борьбе с коммунизмом или «Белого Интернационала» [4, с. 18—19; 19, с. 320—321]. Соглашение предполагало объединение всех правых партий в среде русской эмиграции, создание общих вооружённых сил из бывших белогвардейцев. Чжан Цзолин готов был снабжать семёновцев оружием, боеприпасами и обмундированием. В обмен белогвардейцы обязывались принимать участие в качестве наёмников в многочисленных междоусобных войнах китайских маршалов. По ряду причин это соглашение так и не было претворено в жизнь во многом благодаря негативной реакции РОВС¹ в Европе, отрицательно относившейся к участию белогвардейских сил в сторонних конфликтах. Глухая вражда между семёновцами и бывшими каппелевцами,

¹ РОВС — Русский общевоинский союз. Создан в 1924 г. генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем. Объединял военные организации бывшей Российской Императорской армии в эмиграции. В число ключевых задач РОВС входили борьба с коммунизмом и невмешательство в сторонние конфликты в третьих странах.

начавшаяся после гибели адмирала Колчака, и постоянные интриги белых генералов друг против друга также не способствовали объединению их политических организаций в одну партию.

Примерно в середине 1920-х гг. к традиционному соперничеству между монархическим, либеральным и революционно-демократическим течениями в русской диаспоре за рубежом добавился ещё и конфликт поколений. Эмигрантская молодёжь, наблюдая постепенное укрепление советской власти в России, выход большевиков из международной изоляции, первые успехи в пятилетках, начала разочаровываться в старых принципах Белого движения. С каждым годом становилось очевиднее, что реставрационные проекты монархистов и политические утопии эсеро-меньшевистского лагеря едва ли будут иметь успех, поэтому молодёжные лидеры стали искать идеологию, способную более адекватно объяснить сложившуюся мировую обстановку и противостоять большевизму. Очень скоро такая замена была найдена в идеологии итальянского фашизма и германского национал-социализма [22].

Русское фашистское движение сформировалось уже после первой волны эмиграции на основе русского национализма, православного мессианства, а также итальянского фашизма и германского нацизма. В 30-е гг. в российской эмиграции сформировались два центра наиболее влиятельных фашистских партий. Первый находился в Германии и США, где действовала Всероссийская фашистская организация (ВФО) во главе с А.А. Вонсяцким. Второй, более влиятельный и политически активный центр, — в Маньчжурии, в Харбине. В этом городе в конце 20-х гг. образовался первый фашистский кружок из студентов и преподавателей юридического факультета во главе с Н. Никифоровым. Позже, 26 мая 1931 г., на основе кружка была сформирована Российская фашистская партия (РФП) [23, с. 69, 71—72]. Идеология новой партии базировалась на антикоммунизме, антисемитизме, учении Муссолини о корпоративном государстве. Непримиимый антисемитизм, основанный на представлениях о советской власти как о международном агенте сионистов и еврейского капитала, был позаимствован РФП у германских нацистов. Однако лидеры РФП, восхищавшиеся опытом Гитлера и Муссолини, не разделяли расовой теории германских нацистов. Но именно антисемитизм стал главным отличием идеологических установок партии А.А. Вонсяцкого и РФП.

Было и ещё одно отличие, которое стало водоразделом между российскими фашистами и правыми реакционными партиями и течениями в эмигрантской среде. В отличие от предшественников в Маньчжурии, «Союза мушкетёров» князя В. Гантимурова, «Рабоче-крестьянской казачьей оппозиции русских» П.С. Ковгана и «Чёрных фашистов», РФП дистанцировалась от идей восстановления монархии и прочих элементов старого строя после свержения большевиков в России [17, с. 25—26, 42].

Российские фашисты предложили вместо этого идею сплава некоторых элементов советской государственности с концепцией корпоративного государства Муссолини. Лидер РФП Константин Родзаевский говорил о важности продолжения реформ Столыпина, которые были направлены на создание в российской деревне широкого слоя собственников, ведущих капиталистическое хозяйство на земле. Фигуру П.А. Столыпина русские фашисты рассматривали как главного предтечу, а сам покойный премьер был назван «первым русским фашистом». К столыпинской теории о создании широкого слоя сельской буржуазии партия Родзаевского добавляла идеи Муссолини о «приоритете интересов нации», надпартийного, надклассового характера государства, примирение труда и капитала через создание сильных независимых профсоюзов. Из советского опыта РФП заимствовала концепцию социального государства, плановое начало в регулировании экономики. Негативными сторонами большевизма, с которыми К.В. Родзаевский считал необходимым вести бескомпромиссную борьбу, являлись учение о классовой борьбе, пролетарский интернационализм, коллективизация и борьба с Русской Православной церковью. При этом Родзаевский видел будущее России после свержения советской власти не в восстановлении самодержавия, а в создании национальной диктатуры по образцу Германии и Италии [23, с. 78—80].

После оккупации Маньчжурии японцами партия К.В. Родзаевского стала одной из немногих организаций, которая продолжала вести агитационную деятельность среди русской эмиграции. В Харбине фашистам удалось в созданной ими «Столыпинской академии» организовать выпуск газеты «Наш путь» и журнала «Нация». В этих изданиях и книге К.В. Родзаевского «Азбука фашизма» излагались основные пункты партийной программы и мировоззрение главных идеологов РФП [3]. Основная цель такой периодики заключалась в пропаганде идей Родзаевского среди эмигрантской молодёжи.

Три года спустя после создания РФП её руководство приняло решение пойти на объединение с другой крупнейшей организацией российских фашистов — ВФО А.А. Вонсяцкого. В начале 1934 г. в Йокогаме на переговорах представителей двух партий удалось преодолеть расхождения в идеологиях и программах и подписать протокол № 1 о создании единой Всероссийской Фашистской партии (ВФП). В Харбине 26 апреля 1934 г. прошёл 2-й съезд созданной партии, где К.В. Родзаевский был избран на пост Генерального секретаря и заместителя председателя ЦИК ВФП, а Вонсяцкий — председателем ЦИК партии. Однако сотрудничество двух лидеров фашистского движения оказалось недолгим — уже в октябре 1934 г. между А.А. Вонсяцким и К.В. Родзаевским произошёл разрыв из-за расхождений в идеологических вопросах и методах политической борьбы ВФП. В частности, Родзаевский был крайним антисемитом, взгляды

которого не разделял более умеренный А.А. Вонсяцкий. Он также считал сотрудничество Родзаевского с атаманом Семёновым как с фигурой, дискредитировавшей Белое движение во время Гражданской войны, вредным и нецелесообразным [15, с. 115, 118].

Несмотря на противоречия между Родзаевским и Вонсяцким Всероссийская фашистская партия продолжала деятельность в непростых условиях Маньчжоу-го. В 1932 и 1936 гг. возникли дочерние организации ВФП, наиболее крупными и влиятельными из которых считались Российское женское фашистское движение (РЖФД), Союз юных фашистов (СЮФ) и фашисток — Авангард, Союз фашистских крошек (СФК) и созданный на их основе по примеру германских нацистов Союз фашистской молодёжи (СФМ). Детские и молодёжные структуры, а именно Союз фашистских крошек (дети от 3 до 10 лет), Союз юных фашистов-авангардистов и Союз юных фашисток (10—16 лет), СФМ (от 16 до 25 лет), предназначались для подготовки будущих кадров в партию и создания массовой опоры фашистов среди русской диаспоры в Маньчжурии. Одной из заявленных целей для участия детей и молодёжи в дочерних структурах ВФП стала их защита от «денационализации», негативного «влияния улицы» и воспитания в «религиозно-национальном фашистском духе» [17, с. 175]. Все упомянутые структуры взаимодействовали между собой по принципу субординации. Так, шефство над СФК осуществляли утверждённые главой ВФП члены Руководящего центра и старшие по возрасту активисты из СЮФ и СФМ. Структура Всероссийской Фашистской партии и её женских, детских и молодёжных отделений строилась по следующему принципу: *очаг* (4—5 человек), *район* или *отряд*, объединявшие несколько очагов, и отдел (дружина), имевший в подчинении несколько отрядов. Фашистов-авангардистов и Союз юных фашисток возглавляли назначенные главой ВФП начальники Авангарда, подбиравшие себе заместителей в очагах, районах и отрядах. Указанной структуре соответствовало и продвижение будущих кадровых резервов от «фашистской крошки» до члена ВФП. Сначала дети эмигрантов с согласия родителей и по представлению поручителей из старших возрастных групп переходили в СЮФ, затем после сдачи двухступенчатой системы экзаменов последовательно получали 2 степени в рамках СФМ — юных фашистов или фашисток и авангардистов. Наиболее отличившиеся активисты СФМ зачислялись в фашистскую Академию им. П.А. Столыпина [7; 17, с. 173—174].

Несколько иной статус был у Российского женского фашистского движения, которое объединяло девушек и женщин в возрасте от 20 до 40 лет. РЖФД за всё время своего существования (1934—1943) было автономной структурой ВФП, созданной по инициативе К.В. Родзаевского. Организация создавалась как для культурно-просветительских целей, так и для облегчения материальных условий жизни в эмиграции для русских

женщин. В просветительской сфере РЖФД целиком руководствовалось идеологическими установками ВФП, в которых утверждалось создание в будущей постсоветской России корпоративного государства, где русской женщине отводилась почётная роль носительницы идеи красоты и хранительницы семейного очага, надлежащим образом обеспеченное законом. Общая численность РЖФД во время основания 29 марта 1934 г. составляла 127 человек и достигла максимального числа в 1941 г., когда в нем состояло 226 чел. [13, с. 153]. У движения с 1935 г. был орган печати — газета «Пробуждение», а также рубрика в журнале «Нация». Возглавляли РЖФД поочерёдно В.Е. Абаимова, Ш. Румянцева и Е.Г. Охотина, супруга Л.П. Охотина, ближайшего сподвижника К.В. Родзаевского, возглавлявшего организационный отдел ВФП и курировавшего подготовку боевиков и диверсантов для заброски в СССР. Среди известных активисток РЖФД можно назвать А.С. Бородич, А.М. Русанову, С.С. Яснопольскую, занимавшихся религиозно-просветительской деятельностью среди русских девушек и проведением курсов домоводства в партийных учебных заведениях. Другие участницы РЖФД, такие как М.А. Рычкова, супруга первого председателя БРЭМ, руководившая до революции 1917 г. лучшими детскими садами и пансионатами Москвы, возглавляли Союз юных фашисток и подчинённые ему структуры. Большая часть активисток РЖВД, СЮФ и СФМ рассматривали своё участие в фашистском движении как возможность заниматься своей профессиональной деятельностью после революции и эмиграции. Кроме того, после ужесточения японского оккупационного режима в связи с началом японо-китайской войны в 1937 г. социальное положение русской эмиграции заметно ухудшилось. Участие в фашистском движении, бывшем на содержании у японской администрации, давало некоторую гарантию стабильности собственного положения для большинства женщин в русской эмигрантской среде [12].

В том же 1936 г. при партии был создан Верховный Совет, являвшийся главным исполнительным органом ВФП в период между партийными съездами. Председателем Верховного Совета избрали К.В. Родзаевского. Несмотря на определённые успехи в развитии организации, по мере укрепления японцев в Маньчжурии, у ВФП начали возникать трудности с властями марионеточного государства, особенно после запрета большинства политических партий в 1932 г. В новых условиях японской оккупации К.В. Родзаевский вместе с прочими белогвардейскими и фашистскими политическими деятелями участвует в работе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) в качестве начальника 2-го культурно-просветительского отдела [17, с. 176—177; 14, с. 119].

Участие лидеров ВФП в деятельности БРЭМ было обусловлено отнюдь не желанием сотрудничать с японской администрацией в Маньчжурии. Вскоре после оккупации Квантунской армией Маньчжурии

в сентябре 1931 г. русская диаспора, пользовавшаяся ранее относительной свободой, почувствовала на себе жёсткую руку новых хозяев Северо-Восточного Китая. Все существовавшие в то время эмигрантские кружки, объединения и организации наряду с местными политическими партиями в Маньчжоу-го подлежали роспуску. Вместо этого бывшим членам распущенных партий предлагалось вступить в БРЭМ, полностью подконтрольного административному аппарату командования Квантунской армии. Эта организация, призванная поставить под единоличный контроль со стороны Японии белогвардейские организации, была создана 29 декабря 1934 г. БРЭМ создавалось по лекалу другого ведомства — Бюро по делам Маньчжурии, в задачу которого входили обеспечение контроля над государственным аппаратом Маньчжоу-го и координация работы маньчжурского правительства со штабом Квантунской армии [9, с. 45]. Главные функции БРЭМ заключались в ведении антисоветской пропаганды среди русской эмиграции в Маньчжурии и осуществлении разведывательно-диверсионной работы против СССР и Монгольской Народной Республики. Как орган прояпонской пропаганды БРЭМ выполняло ту же роль среди белой эмиграции, что и общество «Киовакай», ставшее с июля 1932 г. единственной легальной политической партией в Маньчжоу-го. Бюро российской эмиграции имело жёсткую иерархию. Первоначально организацией дел по российской эмиграции занимался майор Сюн Акикуса, бывший в 1934—1936 гг. заместителем главы японской военной миссии в Харбине. Назначение Акикуса на эту должность было связано с тем, что он уже имел опыт работы с белогвардейскими режимами в годы интервенции на Дальнем Востоке России. В 1919 г. Сюн Акикуса в должности старшего лейтенанта служил переводчиком в штабе 3-й пехотной дивизии, размещавшейся во Владивостоке и Чите. Опыт и знание белоэмигрантской среды сделали его лучшей кандидатурой для работы с БРЭМ и Российской фашистской партией К.В. Родзаевского. Фактически без Акикуса не принималось ни одно из ключевых решений в БРЭМ [23, с. 73—74.]

Должность председателя была первой по значимости в Бюро российской эмиграции. За 10 лет существования БРЭМ председательствовали четыре человека: Вениамин Рычков (1934—1937), Алексей Бакшеев (1937—1938), Владимир Кислицын (1938—1944) и Лев Власьевский (1944—1945). Все перечисленные лица являлись генералами Белой армии, последние два служили в разные годы у атамана Г.М. Семёнова. Структура БРЭМ подразделялась на семь отделов: по делам переселенцев, культурно-просветительский, регистрационный, финансовый, благотворительный, юридический и военный. Важнейшие посты в отделах БРЭМ японцы доверили надёжным кадрам из семёновской армии. Так, управление русской диаспорой в Маньчжурии (свыше 100 тыс. чел.) было поручено генерал-майору А.И. Тирбаху, а за белогвардейские части,

подконтрольные БРЭМ, отвечал другой генерал из бывшей семёновской армии Г.А. Вербжицкий. Всего в БРЭМ за 1935—1945 гг. было зарегистрировано 44 тыс. чел. [13, с. 214—216; 17, с. 152].

В 1936 г. ВФП участвует в диверсионных акциях против СССР. При участии японцев и вспомогательных отрядов из белогвардейцев несколько групп из т.н. Первого фашистского отряда спасения Родины по 6 человек в каждом были переброшены через границу СССР в Забайкалье. Всего в операции под руководством майора Судзуки участвовало примерно 40 чел. Из всех групп только одна благополучно добралась до Читы, где занималась распространением антисоветских и антисталинских листовок среди гражданского населения. Остальные группы были вынуждены отступить после обнаружения советскими пограничниками или захвачены сотрудниками НКВД. На этой неудачной акции и закончилось участие фашистской партии в диверсиях против Советского Союза [см. 2, с. 59].

Лишь перед Второй мировой войной возобновилась активность ВФП, переименованной в 1937 г. в Российский фашистский союз (РФС) с сохранением прежней организационной структуры. Начиная с 1940 г. К.В. Родзаевский возобновляет сотрудничество с А.А. Вонсяцким. Так же как и прежде оно продлилось недолго — до нападения Японии на Пёрл-Харбор, после которого Вонсяцкий был арестован в США вместе с другими иностранцами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии [22, с. 271—272]. Спустя некоторое время после начала войны, в мае 1943 г. японской жандармерией был арестован и сам Родзаевский. Японцы никогда не доверяли лидеру РФС с его сомнительным прошлым. Бежавший из СССР в 1925 г. бывший комсомолец К.В. Родзаевский с самого начала находился в списке подозреваемых в сотрудничестве с советской разведкой у марионеточных властей Маньчжоу-го. Обвинение в шпионаже в конечном итоге стало причиной ареста Родзаевского в мае 1943 г. Несмотря на то, что К.В. Родзаевский сумел оправдаться перед японцами, приказом японской военной миссии в Харбине без видимых причин на деятельность, литературу и эмблемы РФС в Маньчжоу-го, Японии и Корее был наложен запрет [23, с. 318—319].

Дальнейшая деятельность фашистского движения в эмигрантской среде на Дальнем Востоке в качестве массовой политической партии стала невозможной. Япония, заключив пакт о нейтралитете с Советским Союзом в апреле 1941 г., в рамках взятых на себя обязательств не могла более открыто поддерживать антисоветские организации в Маньчжурии. Начиная с 1944 г. японские правящие круги, заинтересованные в посредничестве Москвы в мирных переговорах с союзниками, распорядились, чтобы в прессе не появлялись материалы с критикой СССР. Это относилось и к издательской деятельности в белоэмигрантской среде. Впрочем, задолго до 1944 г., когда вопрос о нападении на Советский Союз ещё

не был снят с повестки дня, Япония оказывала давление на руководство РФС и партийную печать. В Токио фигура К.В. Родзаевского не пользовалась особой симпатией из-за его «вольномудства» и нежелания становиться марионеточной фигурой в БРЭМ. Русские фашисты, отстаивавшие идею развития России как сильной великой державы в рамках их идеологии, не вписывались в японскую концепцию «азиатской сферы процветания», состоявшей из японской метрополии и марионеточных государств наподобие Маньчжоу-го. От партии К.В. Родзаевского японцы ожидали, прежде всего, активного участия в создании сепаратистского государства на советском Дальнем Востоке, а самому вождю русских фашистов отводилась роль нового Ван Цзинвэя. Именно поэтому с подачи начальника японской военной миссии в Харбине генерала Хигути Киитиро для РФС пытались навязать сотрудничество с бывшим атаманом Г.М. Семёновым, давили на К.В. Родзаевского и его окружение, запугивая арестом, неоднократно приостанавливали выход «Нового пути». Когда же генерал Хигути потребовал от руководства РФС распустить партию, начать полное сотрудничество с БРЭМ и принимать участие в движении за «независимость» Дальневосточной республики, Родзаевский ответил отказом, за что был снят с поста главы БРЭМ и понижен в должности [17, с. 152—153].

Ближе к концу войны К.В. Родзаевский, наблюдая за новостями из Советского Союза, пересмотрел частично свою точку зрения насчёт советского государства, и в прокламациях бывшего вождя РФС сталинский режим представлялся как «националистический». Родзаевский полностью поддерживал чистки 1937—38 гг. в высших эшелонах власти, подмечая люстрацию коминтерновских большевиков, т.н. ленинской гвардии, которую он охарактеризовал как агентов влияния международного сионизма. Соответственно Родзаевский приветствовал успехи советской власти в строительстве народного хозяйства, прекращение гонений на РПЦ, возвращение старых традиций российской армии в РККА [18]. Убеждённость лидера РФС в националистическом перерождении советской власти в конечном итоге стала причиной его согласия возвратиться в СССР. Однако после пересечения советской границы К.В. Родзаевский был арестован и осуждён как террорист, диверсант и кадровый сотрудник японской агентуры. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его наряду с такими деятелями Белого движения, как Г.М. Семёнов, П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро и коллаборационистами вроде генерала Власова, к высшей мере наказания. 30 августа 1946 г. К.В. Родзаевский был расстрелян согласно решению суда [23, с. 416; 1].

Общая численность участников РФП — ВФП — РФС не поддаётся точному подсчёту из-за отсутствия соответствующих документов и остаётся под вопросом у современных исследователей. Западные историки останавливаются на цифре в 10 тысяч человек [23, с. 176], тогда как сам

К.В. Родзаевский приводит другие данные — 20 тысяч активных членов партии [6]. Отечественные исследователи, впрочем, считают эти цифры завышенными и указывают общую численность членов РФС в пределах 4 тысяч человек [12, с. 119]. Расхождение в цифрах вызвано по всей вероятности тем, что Дж. Стефан и Э. Оберлендер в РФС механически включили русские фашистские организации в США и Латинской Америке, которые возглавлял А.А. Вонсяцкий, а также сотрудничавшие с ними правые, монархические партии вроде «Союза мушкетёров». Тем не менее относительная малочисленность РФС компенсировалась разветвлённой организацией и партийным аппаратом, хорошо налаженной сетью училищ и дочерних организаций. Некоторые из них, такие как РЖФД были единственными организациями, объединявшими женщин и девушек в русской эмигрантской среде в Маньчжурии. Несмотря на это, РФС так и не удалось завоевать массовой поддержки в среде русской эмиграции и других антибольшевистских движений. Для ряда политических деятелей из бывших меньшевиков, эсеров и кадетов РФС представлялась реакционной «черносотенной» силой, тогда как с точки зрения крайних правых движений в русской эмиграции вожди русского фашизма были слишком «либеральными» в вопросе реставрации монархии в России.

История деятельности фашистского и националистического движения в русской эмиграции в Маньчжурии прошла путь эволюции от небольшого кружка до крупной разветвлённой организации в составе БРЭМ. Возникновение движения в русской эмигрантской среде означало разрыв молодого поколения политэмигрантов с прежними идеологиями, под знаменем которых сражались в годы Гражданской войны все противники большевиков. Лидеры фашистского движения признали революцию 1917 г. в России как свершившийся факт и необратимость социального переустройства в российском обществе. По этой причине они отказались от идеи реставрации монархии и помещичьего землевладения. При этом А.А. Вонсяцкий, К.В. Родзаевский, Н. Никифоров и другие представители фашистского движения отвергали способы переустройства России после падения советской власти, предлагавшиеся кадетами, меньшевиками и эсерами. В итоге за исходный образец был взят «иберийский» вариант фашизма с идеями социального патернализма и корпоративного государства, в качестве альтернативы марксизму-ленинизму.

Однако недолгая история русского фашистского движения завершилась одновременно с поражением стран Оси во Второй мировой войне. Сам факт сотрудничества РФС с японскими милитаристами и связь А.А. Вонсяцкого с германскими нацистами окончательно дискредитировал движение после окончания войны, поставив точку в его существовании. Вместе с тем само явление «русского фашизма» и в настоящее время остаётся действующим фактором на обочине российской политической жизни. Как и их предтеча в лице РФП — ВФП — РФС,

современные националистические и околорашистские движения в России являются порождением идеологического и духовного вакуума, воцарившегося после крушении старого государственного строя, на смену которому так и не пришло альтернативной политической силы. В этом свете изучение истории развития политической мысли в русской эмигрантской среде в 20—30-е гг. представляется перспективным.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные политические аспекты истории. М.: Русская панорама, 2005, 432 с.
2. Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2.
3. Алфавит фашизма / под ред. К.В. Родзаевского. Харбин: Наш путь, 1935. 110 с.
4. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 576 с.
5. Весь Харбин на 1923 год. Адресная и справочная книга города Харбина / под ред. Тернавского С.Т. Харбин, 1923. 336 с.
6. ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 101. Л. 62—63.
7. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 263. Л. 36—38.
8. Гончаренко О.Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М.: Вече, 2005. 352 с.
9. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931—1945. М.: Наука, 1990. 262 с.
10. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920—1940-е гг. М.: МГОУ, 2003.
11. Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М.: Наука, 1984, 198 с.
12. См. Лазарева С.И. «Союз русских женщин» со свастикой // Проблемы Дальнего Востока. М.: 1994. № 3. С. 151—154.
13. Марковчин В.В. Три атамана. М.: Издательство «Звонница-МГ», 2003. 336 с.
14. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.
15. Мельников Ю. Русские фашисты Маньчжурии: К.В. Родзаевский. Трагедия личности // Проблемы Дальнего Востока. М.: 1991. № 2. С. 109—121.
16. Окорочков А.В. Русские добровольцы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 368 с.
17. Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920—1945 гг.). М.: «РУСАКИ», 2001. 593 с.
18. Онегина С. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // Отечественная история. М.: 1992. № 3. 224 с.
19. Семёнов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. 378 с.
20. Фиалковский П. Выпускники Харбинского политехника действуют // Проблемы Дальнего Востока. М.: 1990. № 1. С. 192—193.
21. Ямпольский В.П. Русские эмигранты на службе Квантунской армии // Военно-исторический журнал. М.: 1997. № 5. С. 60—63.
22. Erwin Oberlander. The All-Russian Fascist Party // Journal of Contemporary History. Vol. 1. No. 1 (1966). Pp. 158—173.
23. John J. Stephan. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925—1945. N.Y.: Harper & Row, 1978. 450 p.